стиха с жанрово-стилистическим развитием русской поэзии» (с. 100).

Важным достижением советского стиховедения 70-х годов является разработка методов описания метрического и строфического репертуаров отдельных поэтов, что должно послужить надежным фундаментом построения истории русского стиха в целом. В этом русле стиховедческих штудий располагаются статьи Л. Е. Ляпиной «Сверхдлинные размеры в поэзии Бальмонта» и Т. С. Царьковой «Метрический репертуар Н. А. Заболоцкого».

Сопоставляя процент коротких, средних и длинных стихов у Бальмонта и ряда поэтов XIX в., Ляпина выявляет высокую частоту встречаемости длинных стихов у Бальмонта и дает им подробную характеристику. Однако автор не привлекает для сравнения данных метрического репертуара таких современников Бальмонта, как Блок, Анненский, Бунин и особенно Брюсов, система стихотворных размеров которых описана и проанализирована исследователями, что несколько обедняет выводы исследователя.

Статья Ляпиной только основана на материалах составленного ею метрического справочника; работа же Царьковой является метрическим справочником поэзии Заболоцкого в собственном смысле. Заслуга автора — в исчерпывающем привлечении текстов Заболоцкого, не только опубликованных, но и рукописных. Рецензируемая статья — первый метрико-строфический справочник современного советского поэта, чья стиховая система представляет серьезные трудности для описания.

Одним из показателей зрелости той или иной науки является степень развитости ее терминологического аппарата. В этом отношении среди литературоведческих дисциплин стиховедение достигло наиболее высокого уровня. Введение в стиховедение новых терминов должно быть обусловлено самой острой необходимостью. Новые термины должны органически вписываться в уже известную систему метаязыка данной науки и получать четкое обоснование. К сожалению, этого в работе Царьковой мы не находим. Например, что такое «зыбкий метр» (с. 146) или «скрытая строфа» (с. 142), для читателя остается неизвестным. Не вполне убеждает и предложенная на с. 134—135 классификация полиметрических композиций. В частности, приведенная цитата из стихотворения «Падение Петровой» с достаточным основанием может быть, вопреки соображениям Царьковой, интерпретирована как свободный рифмованный стих и т. п. Наконец, последнее. Вот уже много лет ведутся споры о методике описания метрического репертуара — давать ли построчный подсчет (как это делал Б. И. Ярхо), или учитывать показатели по стихам и текстам (как это сделано в новейших исследованиях.) Думается, правильно поступили М. Ю. Лотман и С. А. Шахвердов, которые в сданном в печать справочнике по метрике и строфике Пушкина разумно объединили оба подхода, назвав первый из них формальным, второй — функциональным. Автор справочника по Заболоцкому оказался не в курсе этих новаций, и интересная его работа от этого, по нашему мнению, заметно проигрывает.

В современном стиховедении нет общепризнанной классификации строф и строфических композиций. Поэтому интерес вызывает исследование К. Д. Вишневского «Архитектоника русского стиха XVIII — первой половины XIX века». В его основе лежит огромный материал, оно фундаментально по задаче, методу, концепции и выводам. На с. 68 дается итоговая схема композиционно-строфических форм, которая претендует на универсальный для русского силлабо-тонического стиха характер. Подчеркивая широкое теоретическое значение поисков Вишневского, мы намерены некоторые существенные стороны его работы сделать предметом научной дискуссии. Автор в сущности строит не столько строфическую, сколько метрико-строфическую типологию русского стиха. На первый взгляд, столь глобальная задача не может не вызвать полного одобрения. Среди признаков, определяющих любую строфическую конструкцию, один из важнейших, по Вишневскому,— стихотворный размер (см. с. 55). Так ли это? Едва ли, ибо стихотворный размер и строфическая композиция — явления разных уровней. Как полагают рецензенты, введение стихотворного размера в качестве обязательного признака строфической конструкции, даже освященное высоким авторитетом Б. В. Томашевского, методологически противоречиво. Чем отличаются друг от друга, скажем, два стихотворения, аналогичные строфически, но написанные разными размерами? Только размером, отнюдь не строфикой. Равным образом, метрически тождественные, но не одинаковые по строфической композиции тексты имеют опять-таки лишь один отличительный признак в области строфики. Отсюда следует, что соотношение метрики и строфики (проблема, крайне актуальная для теории стиха, и ее постановка, повторяем,— серьезная заслуга исследователя) есть особый вопрос, решение которого может быть основано только на базе изоморфных, но автономных классификаций метрики и строфики. Поэтому едва ли правомерен и упрек Вишневского сторонникам теории полиметрических композиций в том, что, строя типологию этих форм, они не учитывают их строфического состава. Между тем последнее делается совершенно сознательно и, на наш взгляд, верно, ибо метрическая и строфическая типология полиметрии (как и монометрии) вновь основывается на признаках разных уровней. С таким же успехом можно предъявить претензии синтаксисту, например, в том, что он, описывая синтаксическую систему языка, не привлекает признаков его фонологии. Излишне громоздкой, избыточной и порой не лишенной